

ВИДЫ ИСКУССТВА (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ИСКУССТВА) / TYPES OF ART (INDICATING SPECIFIC ART)

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.153.2>

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ НА ТЕМАТИКУ И СТИЛИСТИКУ СОВЕТСКОЙ АНИМАЦИИ 1970-1980-Х ГОДОВ

Научная статья

Петров Н.П.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0004-9511-762X;

¹ Институт кино и телевидения (ГИТР), Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (neket_petrov[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию влияния государственной цензуры на тематику и стилистику советской анимации 1970–1980-х годов. Актуальность темы связана с тем, что именно в этот период советская мультипликация, с одной стороны, достигла художественных успехов, а с другой – постоянно находилась в жёстких идеологических рамках. Новизна работы состоит в рассмотрении не только сюжетных и визуальных решений мультфильмов, но и тех административных механизмов (худсоветы, нормативы Госкино), которые детерминировали выбор «правильных» тем.

В рамках исследования описываются основные типы цензурных ограничений, изучаются характерные примеры введения обязательных патриотических и воспитательных мотивов, анализируется феномен «двойного кода» – скрытой социальной критики под видом детской сказки. Особое внимание уделено переходному этапу рубежа «Перестройки», когда цензура начала смягчаться и обусловила появление остросоциальных сюжетов. Работа ставит целью выявить закономерности, по которым формировались идеологически корректные мультфильмы. Для её решения используются историко-сравнительный и дискурсивный методы, контент-анализ архивных документов и творческих практик.

Статья будет полезна киноведам, историкам культуры и всем, кто интересуется эволюцией советской анимации.

Ключевые слова: советская анимация, государственная цензура, идеология, художественные решения, соцреализм, мультфильм, Перестройка, дискурсивный анализ, «двойной код», патриотическое воспитание.

THE INFLUENCE OF STATE CENSORSHIP ON THE THEMES AND STYLISTICS OF SOVIET ANIMATION OF THE 1970S-1980S

Research article

Petrov N.P.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0004-9511-762X;

¹ GITR Film & Television School, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (neket_petrov[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the study of the influence of state censorship on the themes and stylistics of Soviet animation of the 1970s-1980s. The relevance of the topic is due to the fact that it was during this period that Soviet animation, on the one hand, achieved artistic successes, and on the other hand, was constantly under strict ideological frameworks. The novelty of the work consists in reviewing not only the plot and visual solutions of cartoons, but also those administrative mechanisms (art councils, Goskino regulations) that determined the choice of ‘correct’ themes.

The study describes the main types of censorship restrictions, examines typical examples of the introduction of compulsory patriotic and educational motives, and analyses the phenomenon of ‘double code’ – hidden social criticism under the guise of a children's fairy tale. Particular attention is paid to the transitional stage of the Perestroika period, when censorship began to soften and led to the emergence of acutely social stories. The work aims to identify the patterns by which ideologically correct cartoons were formed. It uses historical-comparative and discursive methods, content analysis of archival documents and creative practices.

The article will be useful to film historians, cultural historians and anyone interested in the evolution of Soviet animation.

Keywords: Soviet animation, state censorship, ideology, artistic decisions, socialist realism, cartoon, Perestroika, discourse analysis, ‘double code’, patriotic education.

Введение

Советская анимация 1970–1980-х годов, с одной стороны, принадлежит к числу важнейших культурных феноменов позднесоветской эпохи, с другой – она формировалась в условиях жёсткого идеологического контроля. Актуальность данной темы заключается в том, что, несмотря на высокое художественное мастерство многих режиссёров и художников-мультипликаторов, каждый замысел, сюжет и визуальное решение оказывались «отфильтрованными» через призму государственных норм. В результате ряд социальных проблем либо замалчивался, либо выражался в завуалированном виде, тогда как официально одобренные темы (героика, патриотизм) получали масштабную поддержку.

Цель исследования – выявить основные механизмы и последствия цензурного вмешательства в тематический и стилистический выбор авторов мультфильмов 1970–1980-х годов.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

1. Определить характер и формы цензурных ограничений, действовавших в системе советской анимации.
 2. Исследовать «двойной код» и художественные стратегии, которые использовали авторы для обхода идеологических фильтров.
 3. Проанализировать изменения, наступившие в конце 1980-х годов, и понять их значение для развития анимации.
- Новизна работы заключается в рассмотрении одновременно и административных документов (протоколов худсоветов, циркуляров Госкино), и мультфильмов, чтобы связать формальные запреты с реальной практикой творчества.

Методы и принципы исследования

Основу информационной базы составили работы, раскрывающие специфику советского кино и анимации, и архивные сведения о цензурной практике. В книге В. Фомина анализируется взаимоотношение кинематографа и государственных структур в СССР, представляются документы и свидетельства эпохи, наглядно демонстрирующие административные механизмы контроля над анимацией и их влияние на идейную направленность мультфильмов [4]. Исследование Á. Kiss посвящено рассмотрению советского опыта через призму иностранной анимации, позволяя выявить, каким образом в отечественных мультфильмах создавался образ «врага» и как это отражало политику государства [5]. Статья R. Pierson даёт представление о том, как послевоенный модернистский критический подход в анимации взаимодействовал со «школой соцреализма» и какие противоречия возникали между авторами и цензурными инстанциями [6]. Исследование A. Shubina сосредоточено на позднесоветском детском кинопроцессе, вскрывая проблемы половые и семейных отношений с точки зрения космической фантастики. Подход автора позволил увидеть, что даже анимация «для детей» нередко несла сложные социально-политические подтексты, обусловленные официальной цензурой [10]. В работе V. Raibman проводится сопоставительный анализ советской и американской анимации XX века, описывается историко-культурная обусловленность тем и художественных приёмов, это послужило для нас основанием при рассмотрении вопроса о внешних и внутренних факторах давления на советских режиссёров [8]. Статья K. Sevindi содержит разбор советской анимации с позиции идеологического анализа дискурса; автор выделяет механизмы создания пропагандистских и «одобренных» сюжетов, описывает, каким образом сами авторы пробовали обходить ограничения [9]. Ü. Pikkov подробно рассматривает темы и стилистику советских мультфильмов с учётом культурно-исторического контекста. Именно его наблюдения о скрытых значениях и внешне «детской» форме послужили важной отправной точкой в определении «двойного кода» советской анимации [7]. Н.А. Сиверина в своей работе прослеживает риторичность образов советских и постсоветских анимационных фильмов, отмечает переходы от канонических схем к новым формам выражения под воздействием как идеологических, так и эстетических факторов [3]. В.П. Васильева рассматривает трансформацию идеологического воспитания на студии «Союзмультфильм» после XX съезда КПСС, обращая внимание на расширение диапазона сюжетов и роль анимации в формировании «образцового советского человека». Её материалы помогли уточнить, какие именно аспекты цензурной политики становились обязательными при сдаче фильма [1]. Наконец, в статье Г.И. Кудрявцева анализируются конкретные примеры отражения событий Перестройки (1985–1991 гг.) в мультфильмах, которые позволили нам сопоставить более ранний (1970–1980-е) и переходный период, выявив преемственность и различия в цензурных требованиях [2].

В качестве основных методов исследования были использованы: историко-сравнительный метод (сопоставление сюжетных и визуальных решений в выбранных мультфильмах разных лет, чтобы проследить динамику цензурного давления), контент-анализ – детальный разбор нарративных элементов (сценарные правки, характерные мотивы) и их сопоставление с официальными инструкциями и документами (протоколы худсоветов и т.д.), метод дискурсивного анализа (опора на концепцию идеологических дискурсов (по модели [6], [9]), чтобы структурировать, каким образом «повестка дня» государства транслировалась в анимационной форме и как аниматоры использовали иносказание), обзор литературы для систематизации уже известных фактов и включения в общий контекст исторической эволюции советской мультипликации.

Так на основании вышеперечисленных материалов и методов данная статья стремится выявить закономерности, формирующиеся под влиянием государственной цензуры в советской анимации 1970–1980-х годов, и показать, каким образом идеологические рамки влияли на выбор тем, на визуальные решения и на общий «тон» мультфильмов.

Основные результаты

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что в период 1970–1980-х годов советская анимация находилась под существенным давлением государственной цензуры, которая отражала идеологические установки, транслируемые с высшего уровня власти. Тематический и стилистический контроль, осуществляемый Госкино и профильными отделами ЦК, во многом определял основные сюжеты и художественные решения советской мультипликации.

Во многом из-за установок государственных органов и цензуры подавляющее большинство анимационных фильмов ориентировалось на «правильную» тематику: подвиги советского народа, патриотическое воспитание, идею коллективизма, позитивные примеры «высокоморального» поведения [4]. Даже в тех мультфильмах, которые формально казались сказочными или фантастическими, зачастую присутствовали элементы служения Родине или дружбы между народами — как соответствие идеологическому курсу.

Многие авторы, стремясь внести более глубокие или критические мотивы, использовали метафору, аллгорию, гротеск или сатирические приемы для того, чтобы передать зрителю скрытые смыслы [9]. Таким образом, детская анимация нередко становилась пространством, где за внешне безопасным сюжетом пряталась социальная критика (например, карикатурные западные образы для осуждения капиталистического строя или «очерняющие» детали советской действительности, скрытые под символической формой).

Тенденция к унификации художественных методов и кадровой структуры в анимационных студиях (прежде всего «Союзмультфильм») привела к появлению характерной «узонаваемой» советской рисовки: сглаженные образы, акцент на «светлом» цветовом решении, оптимистично-развлекательная манера [8]. Усложнённые экспериментальные техники и изобразительные стили либо отклонялись на стадии сценарной заявки, либо подвергались существенной переработке перед запуском.

По материалам стенограмм худсоветов и служебных записок выявлено, что типичными были требования: «усилить» патриотический вопрос, «убрать» элементы индивидуализма, «прояснить» воспитательный итог [1]. Редакторские правки часто касались не только финала (требование «мажора» и «оптимизма»), но и эпизодов с конфликтными, социально острыми ситуациями (пьянство, бедность, преступность). Например, экранизация пьесы В. Маяковского «Баня» (1962, реж. С. Юткевич и А. Каранович), в которой главная сюжетная линия – столкновение молодых изобретателей с бюрократической системой. Здесь чиновники показаны инертными, бездушными людьми. Подобная риторика сохранялась, несмотря на относительно либеральную обстановку конца 1970-х и начала 1980-х годов.

Темы религии, острых национальных конфликтов, противоречий внутри самой партийной системы либо вообще не находили отражения, либо появлялись в крайне завуалированном виде [3]. Характерно также, что негативные стороны жизни (очереди, дефицит, коррупция) транслировались минимально, если не считать отдельных сатирических анимационных лент, которые пробивали цензурные барьеры преимущественно благодаря аллегорическому языку.

Эффект «Перестройки». С середины 1980-х, по мере смягчения цензурной политики, появились мультфильмы, где социальная тематика раскрывалась смелее – проблема алкоголизма, воровства, мотивы внутреннего кризиса советского строя. Довольно ярким примером подобной рефлексии может являться мультфильм «Остров Сокровищ», выпущенный в 1986–1988 гг. на студии «Киевнаучфильм». В целом ряде сцен, таких как смерть пирата Билли Бонса, песнь о пьянстве и так далее, авторы доносят мысль о вреде употребления алкоголя и противопоставляют образу пьяницы, для которого «слово «ром» и слово «смерть» означают одно и то же» [2].

Однако даже тогда госорганы продолжали блокировать слишком резкие сценарии, и многие проекты не доходили до экрана. Тем не менее, именно в этот период обнаруживается рост авторской самореализации, появление независимых студий и попытки сотрудничества с западными компаниями [8].

С одной стороны, сохранялась антизападная риторика в сюжетах (образы «буржуазных» злодеев), однако с другой – особенно в 1970-е и далее – заметен и заимствованный стилистический опыт (динамика, музыкальные вставки) [10]. Также имели место ко-продукции с европейскими и реже американскими студиями, где идеологический контроль был чуть ослаблен, это позволяло создавать нестандартные проекты [6].

Мультфильмы выступали не только развлекательным жанром, но и «зеркалом» эпохи, запечатлевая трансформации общественной морали и государственного курса. Так, антиалкогольная кампания, героика труда, косвенная критика бюрократии – всё это становилось контекстом сюжетов [5]. В ряде работ, вышедших в конце 1980-х, проявляется прямая сатира на партийную элиту, двойные стандарты и внутренние проблемы экономики [4].

Подводя итог, можно утверждать, что на протяжении 1970–1980-х годов именно государственная цензура определяла главное русло развития советской анимации, закрепляя преобладание идеологически корректных и «безопасных» сюжетов. Вместе с тем, внутри этих ограничений авторы находили способы высказываться о реальности, формируя особый язык метафор и аллегорий. К концу 1980-х, с началом Перестройки, всплеск авторского начала и потепление в сфере культуры способствовали появлению более открытых социальных тем, однако система цензуры всё же сохраняла ощутимое влияние вплоть до самого распада СССР.

Обсуждение

В ходе исследования обнаружилось, что в деятельности советских анимационных студий 1970–1980-х годов отчётливо прослеживается принудительное следование идеологическим стандартам. Такая зависимость мультипликации от государственных механизмов, по сути, подтверждает наблюдения, сделанные рядом исследователей, указывающих на «закрывающую» модель производства, при которой любые сюжетные линии или визуальные приёмы, потенциально способные отойти от утверждённого канона, подвергались правкам и блокировались.

В то же время, как показывает сравнительный анализ с более ранними или более поздними периодами, авторы советской анимации не были полностью пассивными исполнителями. Напротив, чтобы избежать прямых запретов, они активнее обращались к метафорам и аллегориям, развивая «двойной код» и завуалированную социальную критику. Подобное же явление наблюдалось в других видах советского искусства, однако в анимации оно отличалось особой выразительностью художественного языка.

Примечательно, что сложившаяся установка на «обязательно позитивный» финал и «мажорную» тональность приводила к систематическому «высветлению» конфликтов: негативные явления показывались лишь фрагментарно или с преувеличенно юмористической окраской. При этом именно в анимации – как отмечают некоторые авторы, исследовавшие феномен детского восприятия, – официальный идеологический посыл оказывался особенно действенным, поскольку аудитория включала не только детей, но и взрослых, смотревших мультфильмы совместно с ними.

Как свидетельствуют документы и отзывы кураторов от Госкино, большую роль играл так называемый «мягкий контроль»: когда автору не навязывали детальный план, но отсекали «рискованные» эпизоды и вводили обязательные нормативы (например, патриотические символы, мотив сплочения). В то же время более поздние мультфильмы – на рубеже Перестройки – обнаруживают заметный сдвиг: большее внимание социальным проблемам (пьянство, воровство, урбанизация), повышенная авторская рефлексия, расширение стилистических экспериментов. Однако даже при смягчении общей идеологической линии сохранялись барьеры: ряд острых тем (в том числе религиозные или этноконфликтные) оставался под негласным запретом.

Интересно отметить и некоторую амбивалентность отношения к западной анимации. С одной стороны, сохранялась жёсткая антагонистическая риторика к «буржуазной культуре» и «чуждому индивидуализму». С другой – в 1970–1980-е годы заметны заимствования из американской техники монтажа, музыкальных номеров, использование комедийных схем, отчасти сходных с классической голливудской анимацией (Pierson). Так, можно говорить о своеобразном «противоречивом диалоге» между советскими и западными анимационными практиками.

В целом же анализ подтверждает, что государственная цензура не только формировала приоритеты мультфильмов (патриотические сюжеты, героика, дидактика), но и провоцировала появление более изощрённых художественных решений, чтобы выразить реальную социальную повестку. Современные исследования всё чаще указывают на это противоречие как на главный фактор возникновения уникального анимационного языка, где за детской формой скрывались сложные авторские и политические смыслы.

Так, советская анимация рассматриваемой эпохи одновременно и отражала, и формировала массовые культурные стереотипы; оказывалась «зеркалом» системы, показывая официальную картину мира, и в то же время позволяла проработать альтернативным точкам зрения, хоть и в зашифрованном виде. Именно это противоречие между официозом и авторскими поисками, обусловленное жёсткими идеологическими рамками, создаёт неповторимый феномен советской мультипликации 1970–1980-х годов.

Заключение

Выполненное исследование подтвердило, что государственная цензура оказала определяющее влияние на тематику и стилистику советской анимации 1970–1980-х годов. Анализ показал, что:

1) цензурные ограничения принимали различные формы, включая прямые запреты сюжетов, требования «высветления» финала, обязательное внедрение патриотических элементов;

2) несмотря на жёсткие рамки, авторы зачастую применяли метафоры и сатиру (так называемый «двойной код»), стремясь придать фильмам скрытую социальную глубину;

3) к концу 1980-х смягчение режима и начало Перестройки привели к появлению новых тем (критика внутреннего кризиса, антиалкогольная кампания, социальные сюжеты), однако система цензуры сохраняла своё действие вплоть до распада СССР.

Так, можно заключить, что идеологический контроль, с одной стороны, стимулировал определённую унификацию художественного языка и закреплял «правильные» патриотические сюжеты, а с другой – вызывал ответную реакцию авторов, формировавших сложные аллегорические структуры. Данное противоречие стало уникальным феноменом советской анимации и предопределило её дальнейшую эволюцию. Полученные результаты позволяют глубже понять историю отечественного кино и культуры в целом, а также дают основание для дальнейшего изучения конкретных примеров «скрытой» оппозиционной мысли в детской анимации.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Васильева В.П. «Оттепель» на «Союзмультфильме»: расширение тематического репертуара студии и роль анимации в идеологическом воспитании советского человека после XX съезда КПСС / В.П. Васильева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2017. — Т. 16. — № 8. — С. 123–134.
2. Кудрявцев Г.И. Отражение событий и явлений Перестройки 1985—1991 гг. на примере отдельных советских мультфильмов / Г.И. Кудрявцев // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. — СПб., 2023. — С. 285–290.
3. Сиверина Н.А. Риторика образов анимационных фильмов в советской и постсоветской моде / Н.А. Сиверина // Труды СПбГИК. — 2009. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritorika-obrazov-animatsionnyh-filmov-v-sovetskoj-i-postsovetskoj-mode> (дата обращения: 29.12.2024).
4. Фомин В. Кино и власть. Советское кино: 1965—1985 годы. Документы, свидетельства, размышления / В. Фомин; отв. ред. А.А. Нуйкин. — Москва : Материк, 1996. — 512 с.
5. Kiss Á.L. The Stalinist Soviet Union in the Disney Animated Cartoon Tale Spin / Á.L. Kiss // Hungarian Journal of English and American Studies. — 2023. — Vol. 29. — № 2. — P. 430–454. — DOI: 10.30608/HJEAS/2023/29/2/12.
6. Pierson R. Postwar Animation and Modernist Criticism: The Case of Annette Michelson / R. Pierson // JCMS: Journal of Cinema and Media Studies. — 2023. — Vol. 62. — № 2. — P. 123–143. — DOI: 10.1353/cj.2023.0007.
7. Pikkov Ü. On the Topics and Style of Soviet Animated Films / Ü. Pikkov // Baltic Screen Media Review. — 2021. — Vol. 4. — P. 16–37.
8. Raibman V. Cultural Comparison of the Soviet and American Animation in the 20th Century: Key Points of the Origins, Development and Notable Examples : Bachelor's Thesis / Veronica Raibman. — 2022. — 98 p.
9. Sevindi K. Ideological Discourse Analysis in Soviet Animation / K. Sevindi // Cinema: The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. — 2021. — Vol. 11. — № 2. — P. 594–605.

10. Shubina A. Alisa Selezneva, a girl alone in outer space: rethinking gender, family and state in late-Soviet children's science fiction and animation / A. Shubina // *Studies in Russian and Soviet Cinema*. — 2022. — Vol. 16. — № 2. — P. 141–158. — DOI: 10.1080/17503132.2022.2052684.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vasil'eva V.P. «Ottepel'» na «Sojuzmul'tfil'me»: rasshirenie tematicheskogo repertuara studii i rol' animacii v ideologicheskom vospitanii sovetskogo cheloveka posle HH s'ezda KPSS ["The Thaw" at Soyuzmultfilm: Expansion of the Studio's Thematic Repertoire and the Role of Animation in the Ideological Education of Soviet People after the Twentieth Congress of the CPSU] / V.P. Vasil'eva // *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology]. — 2017. — Vol. 16. — № 8. — P. 123–134. [in Russian]

2. Kudrjavcev G.I. Otrazhenie sobytij i javlenij Perestrojki 1985—1991 gg. na primere otdel'nyh sovetskih mul'tfil'mov [Reflection of Events and Phenomena of Perestroika in 1985-1991 on the Example of Selected Soviet Cartoons] / G.I. Kudrjavcev // *Veter Perestrojki* — 2022: sbornik materialov vtoroj Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 9–11 nojabrja 2022 g [Wind of Perestroika – 2022: Collection of Materials of the Second All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, November 9-11, 2022]. — SPb., 2023. — P. 285–290. [in Russian]

3. Siverina N.A. Ritorika obrazov animacionnyh fil'mov v sovetskoj i postsovetskoj mode [Rhetoric of Images of Animated Films in Soviet and Post-Soviet Fashion] / N.A. Siverina // *Trudy SPbGIK* [Proceedings of St. Petersburg State Institute of Culture]. — 2009. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritorika-obrazov-animatsionnyh-filmov-v-sovetskoj-i-postsovetskoj-mode> (accessed: 29.12.2024). [in Russian]

4. Fomin V. Kino i vlast'. Sovetskoe kino: 1965—1985 gody. Dokumenty, svidetel'stva, razmyshlenija [Cinema and power. Soviet cinema: 1965-1985. Documents, testimonies, reflections] / V. Fomin; gen. ed. A.A. Nujkin. — Moscow : Materik, 1996. — 512 p. [in Russian]

5. Kiss Á.L. The Stalinist Soviet Union in the Disney Animated Cartoon Tale Spin / Á.L. Kiss // *Hungarian Journal of English and American Studies*. — 2023. — Vol. 29. — № 2. — P. 430–454. — DOI: 10.30608/HJEAS/2023/29/2/12.

6. Pierson R. Postwar Animation and Modernist Criticism: The Case of Annette Michelson / R. Pierson // *JCMS: Journal of Cinema and Media Studies*. — 2023. — Vol. 62. — № 2. — P. 123–143. — DOI: 10.1353/cj.2023.0007.

7. Pikkov Ü. On the Topics and Style of Soviet Animated Films / Ü. Pikkov // *Baltic Screen Media Review*. — 2021. — Vol. 4. — P. 16–37.

8. Raibman V. Cultural Comparison of the Soviet and American Animation in the 20th Century: Key Points of the Origins, Development and Notable Examples : Bachelor's Thesis / Veronica Raibman. — 2022. — 98 p.

9. Sevindi K. Ideological Discourse Analysis in Soviet Animation / K. Sevindi // *Cinema: The Turkish Online Journal of Design Art and Communication*. — 2021. — Vol. 11. — № 2. — P. 594–605.

10. Shubina A. Alisa Selezneva, a girl alone in outer space: rethinking gender, family and state in late-Soviet children's science fiction and animation / A. Shubina // *Studies in Russian and Soviet Cinema*. — 2022. — Vol. 16. — № 2. — P. 141–158. — DOI: 10.1080/17503132.2022.2052684.